

Вибірка слів-концептів в когнітивній лінгвістиці відштовхується від концепції «семантичних примітивів» А. Вежицької, яка розглядає ключеві культурні слова в якості основних ланок культури в ментальному світі людини. До концептів зараховують лексеми, значення яких становлять зміст національної мовної свідомості, наділені аксіологічною маркованістю, а також важливим визначається їх «ключовий» характер для духовності певного лінгво-культурного ареалу [14, с.111]. Абстрактність змісту концептів («судьба», «тоска», «душа» для російської мови) репрезентує напрямок структуризації семантичної сітки та ієрархічну організацію ментальних одиниць рівня загальних понять, але це в деякій мірі залишає осторонь важливі ситуативно-контекстуальні і конотативно стилістичні деталі. Саме ця вербалізація абстрактних концептів нівелює здатність фразеологізмів репрезентувати діяльнісний образ світу через розкриття конкретної ситуації в динаміці її розгортання (*наприклад, ситуація проявлення відокремленості: to pull up a draw bridge не пускати гостей в дім, sweep before your own door не кивай на сусіда, a divyia на самого себе, to keep off the grass не втручатися; ситуація проявлення гостинності: to keep a good table/house подавати смачні страви і вино, to keep open house/table привітно приймати гостей, to wine and dine мати вдосталь їжі й питва, частувати, to be at home to people бути охочим та готовим приймати гостей*)

Визначення національно-культурної особливості повинно бути зумовлене таким факторами: 1) методом і метою дослідження; 2) формами проявлення; 3) первинністю загальнолюдського. Перспективним видається поєднання контрастивних методів з методами когнітивної лінгвістики. Дослідження національно-культурних особливостей фразеологізмів має велике значення для вивчення фразеологізмів на позначення соціальної поведінки представників англійського етносу.

Література

1. Левченко О.П. Лінгвокультурологія та її міфологеми. // Вісник Харківського національного університету. Серія Філологія. – Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна – 2004. – № 631. Випуск 41. – С. 68-71.
2. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения, – М.: Институт языкознания РАН, 1997. – 331 с.
3. Уфимцева А. А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Под. ред. Б.А. Серебrenникова. – М.: Наука. – С. 108-141.
4. Солодухо Э. М. Теория фразеологического сближения. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. – 295 с.
5. Петрова Н. Д. Англійські фразеологічні одиниці з національно-культурологічним компонентом // Науковий збірник ЛНУ. Іноземна філологія. – Львів: Світ – 1997. – № 110. – С. 41-48.
6. Гнатенко Л. И. Национальная психология. – Днепропетровск: Поліграфіст, 2000. – 213 с.
7. Ажнюк Б. М. Англійська фразеологія у культурно-етнічному висвітленні. – К.: Наукова думка, 1989 – 136 с.
8. Сорокин Ю. А. Этническая конфликтология. – Самара: Русский Язык, 1994. – 94 с.
9. Зорівчак Р. П. Фразеологічна одиниця як перекладознавча категорія. – Л: Вища школа, 1983. – 173 с.
10. Пинягин Ю. Н. Переводческие аспекты сопоставительного изучения лексики // Сб. науч. трудов Перм. госуд ун-та. – Пермь: 1988. – С. 4-12.
11. Уфимцева А. А. Лексическое значение – М.: Наука, 1986 – 240 с.
12. Селиванова Е. А. Теоретические основы когнитивной ономастологии // Вісник Черкаського університету. Серія Філологічні науки. – Черкаси: ЧДУ. – Випуск 11. – С. 3-12.
13. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. – М.: Высшая школа, 1988. – 166 с.
14. Голубовская И.А. Этнические особенности языковых картин мира. – К., 2002.

Кравченко А. В. ОТ АНАЛИЗА К СИНТЕЗУ

Слова, сказанные замечательным лингвистом Б. Л. Уорфом полстолетия назад, звучат сегодня более чем актуально: «...Человечество не знает внезапных взлетов и не достигло в течение последних тысячелетий никакого внушительного прогресса в создании синтеза, но лишь забавлялось игрой с лингвистическими формулировками, унаследованными от бесконечного в своей длительности прошлого. Но ни это ощущение, ни сознание произвольной зависимости всех наших знаний от языковых средств, которые еще сами в основном не познаны, не должны обескураживать ученых...» [1, с. 219].

Переход от анализа к синтезу требует принятия новых познавательных установок и, как следствие, новой эпистемологии [2], отличительным признаком которой является *синтетизм* как результат интеграции накопленных научных знаний на междисциплинарном уровне. Свойственный же традиционной рационалистической теории познания дуализм исключает возможность такого синтеза в принципе. Языкознание как наука, претендующая на знание того, что представляет собой естественный человеческий язык, пропитано дуализмом насковзь – об этом говорит сам язык, которым пользуются лингвисты, говоря о языке (чего стоит, например, классическое определение языкового знака как «единства материального и идеального!»). Это не удивительно, так как многие эпистемы науки, которая сама является продуктом социо-культурно-исторического развития, в концентрированном виде выражают лишь то, что схвачено обыденным сознанием рядовых пользователей языка.

Напротив, биологическая теория познания, сформулированная У. Матураной [3] и получившая дальнейшее развитие в работах его последователей, характеризуется изначально присущим ей синтетизмом и потому открывает выход на новую концепцию языка. Суть этой концепции (в слегка модифицированном виде) заключается в том, что языковая деятельность человека рассматривается как определенные структуры поведения в когнитивной области взаимодействий, носящих ориентирующий характер и служащих осуществлению биологической функции адаптации организма к среде с последующим переходом к управлению ею. Такой подход имплицитно подразумевает принципиальную невозможность постижения сущности языка в отрыве от человека как живой системы, характерными особенностями которой являются принцип кругообразной организации и принцип взаимной каузальной связи в системе «человек – среда».

В общих чертах, биологическая теория познания как теория самоорганизующихся систем (автопоэз) созвучна идеям Л. С. Выготского и исходит из того, что самоорганизация в физическом пространстве есть основа жизни. Автопоэзные системы определяются в терминах их организации, а не в терминах составных частей либо свойств, которыми эти части обладают. Способность к самоорганизации как определяющее свойство живой

системы, с точки зрения биологии, первично по отношению к таким обычно выделяемым свойствам, как размножение, эволюция, рост, реактивная способность и адаптация: «автопоэз в физическом пространстве [есть] необходимое и достаточное условие для того, чтобы система была живой» [4, с. 84]. Иначе говоря, жизнь возможна только в воплощенном виде, поскольку живые существа имеют физическую природу, они обладают плотью и границами, которые сами же создают и поддерживают. Автопоэз есть особый вид гомеостаза, при котором сохраняется не одно какое-то свойство, а организация самой системы как единого целого. В случае человека одним из таких свойств системы является естественный человеческий язык. Таким образом, холистический (синтетический, интегративный) подход к языку подразумевает рассмотрение его как естественного биологического феномена, уникальным образом свойственного виду *homo sapiens* [5-6].

В современной науке о языке наблюдаются два направления интеграционных процессов. С одной стороны, растет понимание того, что не может быть разных лингвистик (по крайней мере, без ущерба для адекватного понимания сущности языка как эмпирического феномена), поскольку их все объединяет общность объекта – поэтому язык необходимо рассматривать в совокупности всех его характеристик и проявлений: функционально-дискурсивных, психологических, социальных, семиотических и т. д. С другой стороны, признание эмпирической сущности языка в сочетании с холистическим, не-картезианским подходом ставит вопрос о его физической, биологической (и, как следствие, социокультурной) природе, а это с неизбежностью предполагает междисциплинарность в исследованиях языка, когда на арену выходит весь комплекс наук о человеке.

Не случайно в течение 2003 г. под эгидой Национального центра научных исследований Франции в Интернете проходил семинар «Переосмысляя междисциплинарность», в котором приняли участие многие известные ученые, в том числе немало лингвистов. Такая необходимость вызвана тем, что, в отличие от древних, наше знание о мире и человеке в нем достигло такой степени фрагментации, что порой трудно найти точки сопряжения для знаний, полученных частными науками, даже если эти науки объединяет общность объекта изучения – как, например, в случае с лингвистикой и семиотикой [7-8]. Более того, самая философия (в классическом понимании этого слова), определяемая обычно как наука о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления, страдает врожденным пороком отвлеченной созерцательности, ибо она «совершенно не имеет всеобщезначимых результатов», «в философии нет единодушия, присущего сфере окончательно познанного» [9, с. 481]. Да такого единодушия и не может быть, так как проблема познания в философии не может быть разрешена до тех пор, пока не разрешена проблема языкового значения [10].

Эта мысль является одной из центральных в работе, вышедшей вторым изданием в 1999 г.: «Язык и реальность: Введение в философию языка» [11] и явившейся вехой в формировании идеологии физикализма и биологизма [12-15]. Ее авторы исходят из того, что построить реалистичную философию языка можно только если рассматривать человека как часть естественного мира, поскольку люди – часть животного мира, часть биологического мира. Их подход к целеустановкам лингвистики во многом перекликается с подходом в биологии познания: «Семантические понятия, такие, как значение, истина, референция могут использоваться только тогда, когда они могут быть объяснены в нелингвистических терминах; они не являются примитивами. [...] Мы можем, например, рассчитывать на то, чтобы объяснить их в терминах психологии; затем можно надеяться на объяснение психологических терминов в нейро-анатомических и биохимических терминах; а те – в физических и химических терминах» [11, с. 10].

Итак, мы подошли к вопросу об *общетеоретическом методе*, использование которого позволило бы лингвистике продолжить динамичное движение по пути познания языка как сложного когнитивного феномена, неразрывно связанного с другими когнитивными способностями человека (включая сенсомоторику, перцепцию, эмоции и т. п.). Я уже поднимал этот вопрос в ряде работ [2; 10; 16-19], пытаясь привлечь внимание к автопоэзу как альтернативной теории познания, позволяющей свести воедино, в рамках универсальной теоретической концепции, все то многообразие эмпирического материала, которое накоплено когнитивной наукой за последние 30 лет и которое никак не может быть объяснено в рамках традиционных воззрений на язык и познание в их взаимосвязи и взаимодействии. Основная трудность здесь вызвана тем, что отмеченное В. фон Гумбольдтом противоречие между языком как деятельностью и языком как продуктом представляет для традиционного языкознания серьезную методологическую проблему. Дело в том, что язык как деятельность изначально предполагает наличие своего собственного продукта – системы языковых знаков, операции над которыми и составляют суть языковой деятельности. Этот эпистемологический парадокс не может быть преодолен в рамках традиционной (картезианской) парадигмы научного знания, являющегося по большей части аналитическим, причем для самой этой парадигмы характерно исходное допущение априорного существования значений, якобы «вкладываемых» человеком в знаковые (языковые) формы при «отправке» мыслительного содержания от одного человека к другому. К тому же дело усугубляется тем, что в ортодоксальной науке давно утвердилась уверенность в том, что письменный язык «репрезентирует» устный (естественный) язык, или что языковые взаимодействия могут быть удовлетворительным образом идеализированы в виде последовательностей письменных знаков – хотя, как показывают новейшие исследования [20], такой взгляд на соотношение устного (естественного) и письменного языка как вторичного культурного конструкта является глубоким заблуждением.

Итак, для того чтобы выбрать направление, по которому должно дальше двигаться языкознание в надежде приблизиться к конечной цели, о которой говорил Уорф, нужно определить, что такое языкознание как наука. А этого нельзя сделать, не поставив кардинальный вопрос об *общетеоретическом методе* как о *пути познания*, который прокладывается в соответствии с выдвинутой гипотезой. Автопоэз представляет собой новую эпистемологию именно как альтернативный путь познания, и альтернатива в данном случае нужна как раз потому, что ни традиционное языкознание, ни когнитивная лингвистика (как первого, так и второго поколения) не смогли обеспечить сколько-нибудь существенный прорыв в области изучения языка и познания, а их понятийный аппарат оказался не в состоянии «обслужить» накопленные наукой эмпирические данные как раз потому, что результаты наблюдений не существуют сами по себе, наоборот, «факты» зависят – по крайней мере,

отчасти, – от страстности, с которой лелеются определенные теоретические положения, либо, напротив, от того, насколько имеется готовность отказаться от таких положений» [21, с. 167]. Заметим также, что, как указывал Ф. Ницше [22, с. 176], «убедительность результатов познавательной деятельности не определяется степенью истинности, а тем – насколько давно они были достигнуты, прочно ли усвоены и способны ли быть условием жизни».

Общетеоретическая и методологическая несостоятельность многих традиционных подходов к изучению языка и различных языковых явлений на сегодняшний день – очевидный факт, уже почти не требующий доказательств. Многие из того, что ортодоксальное языкознание рассматривает как не подлежащие сомнению истины – всего лишь дань прочно устоявшейся, освященной временем традиции и не более того. Исследования последних десятилетий, полученные новые данные о естественном языке, вкпе со сменой общенаучных эпистемологических установок говорят о том, что формируется *новое видение* языка как объекта научного исследования и, соответственно, *новый метод* для его изучения, главным отличительным признаком которого является *холизм* [23]. На данном историческом этапе развития наук о языке можно достаточно уверенно предполагать, что новый метод способен дать (и уже дает) серьезные преимущества в познании и понимании человека, общества и мира в их неразрывной связи и взаимодействии, то есть того, что, в конечном счете, и составляет собственно науку как систематизированное знание о мире.

Литература

1. Уорф Б. Л. Наука и языкознание // *Языки как образ мира*. М: Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 202-219.
2. Кравченко А. В. Когнитивная лингвистика и новая эпистемология // *Известия АН. Серия литературы и языка*. Т. 60. – № 5. – 2001. – С. 3-13.
3. Maturana, H. R. *Biology of cognition*. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana, 1970.
4. Maturana, H. R., Varela, F. *Autopoiesis and cognition: The realization of the living*. Boston: D. Reidel, 1980.
5. Bickerton, D. *Language & species*. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1990.
6. Pinker, S. *The language instinct: How the mind creates language*. New York, NY: Harper Perennial, 1995.
7. Danaher, D. Peirce's semiotic and conceptual metaphor theory. *Semiotica* 119 (1/2), 1998. 171-207.
8. Kravchenko, A. V. Cognitive linguistics, biology of cognition, and biosemiotics: bridging the gaps. *Language Sciences* 28 (1), 2006. 51-75.
9. Губский Е. Ф., Кораблева Г. В., Лутченко Г. А. *Краткая философская энциклопедия*. М.: Прогресс, 1994.
10. Кравченко А. В. *Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка*. Иркутск: Иркут. обл. типогр. № 1, 2001.
11. Devitt, M., Sterelny, K. *Language and reality: An introduction to the philosophy of language* (2nd edition). Cambridge, MA: The MIT Press, 1999.
12. Lakoff, G., Johnson, M. *Philosophy in the flesh*. Basic Books, 1999.
13. Givón, T. *Bio-linguistics. The Santa Barbara lectures*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2002.
14. Givón, T. *Context as other minds: The pragmatics of sociality, cognition and communication*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2005.
15. Zlatev, J. Meaning = life (+ culture): an outline of a unified biocultural theory of meaning. *Evolution of Communication. An International Multidisciplinary Journal*, 4: 2, 2003. 253-296.
16. Кравченко А. В. Что такое коммуникация? // В. В. Деметьев (ред.). *Прямая и непрямая коммуникация*. Саратов: Колледж, 2003. С. 27-39.
17. Кравченко А. В. Наука о языке и ее объект: к постановке проблемы // *Вестник НГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*. Т. 3. Вып. 1, 2005. 130-135.
18. Kravchenko, A. V. *Sign, meaning, knowledge: An essay in the cognitive philosophy of language*. Frankfurt/Main, etc.: Peter Lang, 2003.
19. Kravchenko, A. V. Essential properties of language, or why language is not a (digital) code. (Paper presented at the Conference «Cognitive Dynamics and the Language Sciences», 9-11 September, 2005, Cambridge, UK).
20. Linell, P. *The written language bias in linguistics: its nature, origins and transformations*. London & New York: Routledge, 2005.
21. Geerearts, D. Idealist and empiricist tendencies in cognitive Semantics. In T. Janssen and G. Redeker (Eds.). *Cognitive linguistics: foundations, scope, and methodology*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1999. 163-194.
22. Ницше Ф. *Веселая наука*. СПб.: Азбука, 1997.
23. Кравченко А. В. Человек, язык, среда (к обоснованию холизма как метода гуманитарной науки) // Е. А. Пименов, М. В. Пименова (ред.). *Мир в языке (Серия Этногерменевтика и этнориторика. Выпуск 11)*. Кемерово, 2005. С. 36-51.

Красовская О. В.

О СПЕЦИФИКЕ СУДЕБНОГО ДИАЛОГА

1. Диалогическая речь является постоянным объектом лингвистического познания – литература, посвященная диалогу, огромна. О лингвистических подходах к диалогу см., например: [1; 2].

Исследователи диалога справедливо отмечают, что для построения типологии диалога и создания теории диалогической речи необходимо изучать все разновидности диалога, представленные в реальном общении [3; 8].

Судебный диалог предметом специального изучения лингвистов, по нашим наблюдениям, не был. Между тем диалог, протекающий в ходе судебного разбирательства, – это особая коммуникативная форма, которая представляет интерес для осмысления многих вопросов теории общения.

Разработка указанной проблематики имеет большое практическое значение – для обучения речевому общению в рамках судебного разбирательства с целью его эффективного осуществления.

В данной статье будет дана только общая характеристика судебного диалога – фрагмент научного проекта, направленного на комплексное, многоаспектное изучение судебной коммуникации. Наблюдения основаны на записях судебных процессов по гражданским делам.

2. Судебное разбирательство представляет собой речевое взаимодействие, для которого смена ролей говорящий/слушающий постоянна и обязательна. Однако диалог в суде лишен некоторых признаков естественной диалогической речи и характеризуется взаимной связанностью следующих коммуникативных черт.

1) Судебный диалог – «подготовленное» речевое общение. Указанная особенность обусловлена рядом факторов. В их числе: 1) заданность темы для обсуждения в ходе судебного разбирательства, представляющей собой фактическое основание иска; 2) стандартный порядок рассмотрения дела, в рамках которого исполняются ритуальные процессуальные действия; 3) дискретность, разорванность судебного разбирательства во времени: слушание дела, как правило, происходит с перерывами (иногда достаточно длительными, так что судебный процесс может тянуться годами); 4) конвенциональный характер мены речевых субъектов в судебном диалоге (см. об этом более подробно ниже), порождающий отсроченные ответные реакции.